
Вопросы философии. 2016. № 12. С. 64–72

Медиафилософия: российский контекст*

К. А. Очеретяный, А. С. Ленкевич

В статье анализируется вектор развития российской медиафилософии. Выявляются основные подходы, понятия, методы, характерные для российской философской аналитики медиа. Определяются главные направления диалога российских философов с зарубежными коллегами: пункты пересечения интересов, полемические сюжеты, зоны автономного мышления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиафилософия, осетвление, информационно-коммуникационные технологии, Центр медиафилософии.

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

ЛЕНКЕВИЧ Александр Сергеевич – старший научный сотрудник Центра медиафилософии Санкт-Петербургского государственного университета.

Цитирование: *Очеретяный К. А., Ленкевич А. С. Медиафилософия: российский контекст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 64–72.*

Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 12. P. 64–72

Mediaphilosophy: Russian Context

Konstantin A. Ocheretyany, Alexander S. Lenkevich

This article analyzes the development of the Russian mediaphilosophy. Authors identify the main approaches, concepts, methods, which define Russian philosophical thought about media. Defines the main directions of dialogue by Russian philosophers with foreign colleagues: the intersection of interest, polemic points, and areas of independent thinking.

KEY WORDS: mediaphilosophy, networkisation, information-communication technology, Centre for mediaphilosophy.

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Konstantin A. – CSc in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy of the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.

ocherk.on@yandex.ru

ЛЕНКЕВИЧ Alexander S. – Research Fellow of the Centre for mediaphilosophy of the St. Petersburg State University.

a_lenkevich@mail.ru

Citation: *Ocheretyany K. A., Lenkevich A. S. Mediaphilosophy: Russian Context // Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 12. P. 64–72.*

© Очеретяный К. А., Ленкевич А. С., 2016 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 16-18-10162 “Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота, СПбГУ”. The research was made with the financial support from RSF, project № 16-18-10162 “Rationality in the era of medial turn, SPBU”.

Медиафилософия: российский контекст

К. А. ОЧЕРЕТЯНЫЙ, А. С. ЛЕНКЕВИЧ

В том, что проблема медиа вызывает широкий резонанс в российском академическом сообществе, убедиться легко, достаточно посмотреть на количество научных дискуссий, коллоквиумов, конференций всероссийского и международного масштаба, объединенных этой темой. Множатся академические программы, складываются междисциплинарные исследовательские группы, осуществляется широкий обмен знаниями. На этом фоне внимание ученых, следящих за развитием философского знания, не может обойти процесс становления медиафилософии в России: формирование дисциплины, поиск единого направления развития, конкуренцию авторских методологий. А если учесть многообразие современных мировых тенденций в области медиафилософии, крайний интерес (и не только специалистов) вызывает вопрос о том, есть ли свой путь у российской медиафилософии, не ограничивается ли она лишь комментарием к западным трудам.

Прежде всего, отметим, что за последние два десятилетия слово “медиа” как в научных обсуждениях, так и в обыденном словоупотреблении звучит все чаще и все настойчивее. Мы сталкиваемся с ним в лексиконе журналистов, PR-менеджеров, программистов, военных, политиков, но также находим его и в академическом языке, в гуманитарном дискурсе, обсуждаемом в различных областях от филологии до социологии, от теории коммуникации до философии. Несомненно, такая широта использования термина порою мешает его содержательной определенности. А значит, нелишним будет напомнить основные смыслы, которые связаны с ним. Слово “медиа” как устойчивый термин получило широкое хождение в журналистской среде и в соответствии с буквальным прочтением ассоциировалось со средствами массовой информации. Позднее из журналистской среды термин “медиа” попал в сферу внимания социологии. Начался период критического осмысления как самого понятия, так и обозначаемого им феномена. Медиа перестали рассматривать только в значении посредников между исходным событием и реципиентом этого события, в них признали инструмент манипулирования общественным мнением [Lasswell 1971] – медиа не столько транслируют информацию, сколько определяют формы восприятия этой информации [Хоркхаймер, Адорно 1997, 149–209]. Здесь берет начало аналитика феномена медиа, которая, тем не менее, ограничивается рассмотрением исторических, социальных и политических эффектов медиа в общественной жизни человека.

Возникновение же философского подхода к медиа радикально преобразует исходную постановку вопроса. Не случайно книга основателя медиафилософской традиции Маршалла Маклюэна так и называлась – “Понимание медиа” [Маклюэн 2003, 41–50]. Маклюэн показал, что отождествляемые с информационно-коммуникационными технологиями медиа кардинально изменяют как сущность коммуникации (сообщения), так и сущность информации, и тем самым заложил основания медиафилософии [Kittler 1985]. Одним из теоретических завоеваний философии XX в. была мысль о том, что смысловой горизонт культуры определен парадигмальным единством знания, в котором наряду с дискурсивными элементами существуют также элементы недискурсивные [Фуко 2012, 325–326]. Особенность же подхода Маклюэна состоит в том, что все внимание в конструировании человеческой реальности он уделяет “недискурсивным элементам”, т.е. тем медиа, без чьей ускользающей от сознания активности мы не имели бы ни моделей ориентации в нашей повседневности, ни метафор для ее описания [Киттлер 2009, 29]. Тезис о реальности, производимой в медиа и описываемой через медиа, определяет направления поисков медиафилософов. Так, Франк Хартманн в книге “Медиафилософия” описывает “поворот к медиа” как ситуацию, в которой становится ясно, что формы мышления, языковые структуры, способы видеть вещи остаются неосознанными, если человеку закрыт понятийный доступ к медиа, ответственным за их производство. Поскольку же “медиа активны

гораздо в большей мере, чем то допускает материально-предметное их прочтение” [Савчук 2013, 77], медиафилософию иногда наделяют статусом новой фундаментальной онтологии [Margreiter 1999].

Большинство исследований в области медиа принадлежит современным немецким мыслителям. Существует даже мнение, что “медиафилософия до сих пор остается периферийным явлением, если речь не идет о Германии и германоговорящих странах” [Кртилова 2012]. Однако стремительная трансформация повседневного опыта современного человека, связанная с возрастающей ролью медиа в производстве этого опыта, вынуждает обращаться к философскому обоснованию своих теорий представителей гуманитарного знания со всего мира. Для того чтобы систематизировать философские направления исследований медиа, можно, вслед за Ламбертом Визингом [Визинг 2013], выделить шесть основных подходов: 1) медиафилософия как философская разработка понятия медиа; 2) медиафилософия как философия, осуществляемая через медиа; 3) медиафилософия как рефлексия понятийных проблем, связанных с появлением новых (цифровых) медиа; 4) медиафилософия как анализ “медиального поворота” (по аналогии с “лингвистическим” поворотом); 5) медиафилософия как основной дискурс культурологии и медиадисциплин; 6) медиафилософии не существует.

На фоне такого разнообразия подходов к проблеме медиа в западной медиафилософии возникает вопрос об особенностях ее российского понимания. Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо в первую очередь обратить внимание на то, что, несмотря на раннее появление русских переводов основоположников соответствующего дискурса (В. Беньямина, Н. Лумана, М. Маклюэна), на российской почве медиафилософия прижилась не сразу. В конце 1990 – начале 2000-х гг. проблематику медиа и вовсе не считали философской, адресуя ее скорее социологии, политологии и культурологии. Объясняется это вовсе не инертностью российской философской мысли, а тем простым фактом, что именно социологи и культурологи впервые внятно и отчетливо донесли до отечественного читателя соответствующую проблематику. Благодаря им стали чаще упоминаться западные авторы и их концепции, распространились пересказы зарубежных трудов, в особенности М. Маклюэна и Н. Лумана [Луман 2005], было положено начало их комментированию. Итогом этого первого этапа служит книга Е. Н. Юдиной “Медиапространство как культурная и социальная система” [Юдина 2005], а также коллективная монография “Масс-медиа в культуре информационного общества” В. Е. Черниковой, Е. Н. Молчановой и Л. Е. Климовой [Черникова, Молчанова, Климова 2007].

На протяжении 2000-х гг. откликом на рост внимания к медиа стала “вторая волна” переводов и книг, к восприятию которых читающая аудитория была уже подготовлена. Все большей популярностью начинают пользоваться имена М. Маклюэна, Н. Больца, П. Вайбеля, П. Вирильо, М. Кастельса, Ф. Киттлера, У. Митчелла, В. Флоссера. Пишутся первые отечественные монографии, посвященные наследию Маршалла Маклюэна [Спирин, Попонов 2009]. Работа с авторами, знакомство с используемыми ими понятиями, погружение в контекст актуальных исследований в середине 2000-х гг. закономерно приводят к первым попыткам самостоятельной постановки проблем. Правда, и здесь проблемы медиа ставятся скорее на пересечении областей знания философской антропологии и философии техники, а целью является описание бытия человека в компьютеризированную технологическую эпоху без вскрытия ее фундаментальных оснований. Этот подход характерен для многих работ. Выделим из них (как самую крупную и более позднюю) монографию А. Н. Фортунатова “Медиареальность: в плену техногуманизма” [Фортунатов 2009].

Однако в это же время наряду с исследованиями технологий предпринимаются первые философские попытки исследовать образы, модели и смыслы, транслируемые с помощью этих технологий. Появляется сборник статей “Советская власть и медиа” [Гюнтер, Хэнсен (ред.) 2005], претендующий на анализ роли медиа в формировании повседневной реальности советского человека. Несмотря на то что главные редакторы книги – немцы (Х. Гюнтер, С. Хэнсен), статьи в ней написаны по преимуществу отечественными авторами (О. Аронсон, О. Булгакова, В. Подорога, И. Чубаров) и исследователями, жившими в Советском Союзе, а затем переехавшими в Германию (Б. Гройс, М. Рыклин). Книга зна-

чима тем, что в ней также рассматриваются элементы отечественной истории медиа, делается попытка установить уникальность и своеобразие отечественной ситуации в мировом контексте. К сожалению, после выхода этой книги не был сделан следующий шаг, а именно не был представлен взгляд на проблему медиа в истории русской философии. Шаг в этом направлении был сделан французско-сербским философом Петером Бояничем, который обратил внимание на феномен “скорописи” в философии Н.Ф. Федорова [Боянич 2004] и представил это понятие как одно из наиболее важных для осознания истоков формирования современной медиареальности. Письмо как вид медиа создает свою собственную реальность, и Николаю Федорову удалось это ясно и отчетливо осознать. “Буквы готические и уставные, выводимые с глубоким благоговением, с любовью, даже с наслаждением, исполняемые как художественная работа, как молитва (конечно, не нынешняя, занятая выпрашиванием двухсоттысячных выигрышей), т.е. с такими же чувствами производимая, как какими в то же время строились храмы, писались иконы, эти буквы были величавы, как готические соборы... Ярко отличаясь одни от других, буквы эти не теснили, не давили и не сливались одна с другой, потому что и производились неспешно, неторопливо, производились как труд, в коем видели благословение, а не проклятие... Прогрессисты же видят в готических письменах медлительность, свойственную времени, когда ездили на волах, неподвижность, так ненавистную прогрессу, потому что он есть само изменение, движение, а в нравственном смысле – измена... Скоропись (курсив, мелкое, беглое письмо, беглопись) – это письмо Нового времени, времени, переходящего от религиозной жизни к светской” [Федоров 1982, 82–83].

Сегодня формы письма снова меняются. Появились электронные письма, утвердилась форма SMS-общения, общественное и индивидуальное сознание претерпевает стремительное “осетевление” в социальных сетях, скайпе, на интернет-форумах, а значит, мысль Н.Ф. Федорова об изменении форм письма как изменении мира человека снова становится актуальной. При учете описанного, грустно констатировать, что русские философы и их концепции до сих пор не попали под прицел теоретической оптики отечественных исследователей медиа. А ведь в русской философской традиции не раз встречались сюжеты, связанные с медийной тематикой. Помимо концепции “скорописи” Н.Ф. Федорова можно вспомнить размышления о “словах-вампирах” С.Н. Булгакова. Приведем цитату из его работы “Философия имени”: «Надо признать, что словотворчество возможно не только чрез изначальные, сами себя родившие слова, слова-мифы, живую языковую данность, но и чрез эти существующие уже слова, стало быть, оно бывает первичное и вторичное (третичное и т.д.). Для жизни языка это имеет огромное значение: чрез пробитые окна первослов, элементы смысла, постоянно вливается все новый расширяющийся смысл, как из нескольких нот гаммы возникает вся бесконечность музыки. Наконец, иные могут еще похвалиться и тем, что теперь “куются” совсем новые слова, например все эти богомерзкие совдепы, вижтели, земгоры и под. Но ведь очевидно, что здесь мы имеем лишь частный, наиболее механизированный и упрощенный случай терминологического процесса, приновленного к письменной речи, к заглавным буквам, и путем этого, так сказать, алгебраического их сложения образуются новые манекены слов. Однако (и это мистически есть самая тяжелая сторона этого дела) такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу. Образуется целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии. Таков оккультный смысл этого сквернословия» [Булгаков 1999, 32–33].

С.Н. Булгаков полагает, что письменная речь, претерпевая процессы механизации и ускорения, наспех шивает новые “искусственные” слова-монстры из разорванной плоти “естественных” слов. Эти “слова-вампиры”, слова, несущие не смысл, но хаос, разрушение, абсурд, создают новую мистифицированную реальность. Но ведь и сегодня популярна тема трансформации реальности в слове. Если Булгаков писал о механическом письме, то сегодня можно говорить о письме электронно-цифровом. Если он говорил о терминологизации письма, то сегодня можно говорить о “хэштегизации” письма. Хэштеги (англ. hashtag от hash – символ “решётка” (#) + tag – тег, метка описания) – слова, которые в микроблогах социальных сетей, таких как Twitter, Google+, Facebook, Instagram,

ВКонтакте, использовались для рубрикации и категоризации сообщения (например, #искусство, #техника, #философия), теперь все чаще заменяют целые информационные послания, сжимая их смысл в краткий “меседж” (напр., #любовь). Чем не повод для нового прочтения философии Булгакова? Можно также вспомнить, что современные бренды одежды, мобильной связи, пищевых продуктов являют собой те же аббревиатуры, сокращения слов, что и перечисляемые Булгаковым “совдепы, викжели, земгоры”, в них также наблюдается компрессия смысла, минимизация. Бренд превращается в шифр, метку, стигмат, и вот уже сама реальность стигматизирована брендом, искажена согласно его шифру, мистифицирована. Она страдает от бренд-вампиризма. В продолжение темы изменения стилей письма, экономии слов и сжатия смысла отметим еще одну особенность русского информационно-коммуникативного пространства, а именно то, что во всем остальном мире SMS пишут с обилием сложных сокращений и шифров, по возможности сжимая до минимума количество знаков в послании (конечно, эта среда питательна для “слов-вампиров”), и только на постсоветской территории SMS не признают краткости, а следуют эпистолярной традиции. В России SMS пишут, как письма. О чем это говорит? У современных отечественных исследователей медиа мы не найдем ответа.

Между тем именно в этом плане очевидна перспективность обращения к понятиям и методам русской философии при анализе медиареальности. Есть исследования образа у П. Флоренского, исследование имени у А.Ф. Лосева, обращение к проблеме символа у А. Белого... Однако начиная с середины 2000-х гг. популярность приобретают работы российских авторов, ориентированные не на феномен медиа в целом, а на отдельные виды медиа. Соответственно, превалируют исследования, опирающиеся на феноменологическую и герменевтическую традиции, с преимущественным обращением к “иконическим образам” – изображениям, картинам, фотографиям, кино. Здесь, мы полагаем, следует обратить внимание на книгу “Теория образа” Е.Н. Петровской [Петровская 2006], в которой автор последовательно и обстоятельно рассматривает вопрос о соотношении видимого и невидимого, видимого и условий видения в феноменологической традиции, объединяющей столь разных мыслителей, как М. Мерло-Понти, В. Флюссер, Ж. Деррида, Ж.-Л. Марьон и Ж.-Л. Нанси. Изображение здесь – медиум, обуславливающий наше воображение как смысловую перспективу встречи с вещами, событиями, понимание их. А потому изображение подлежит десемiotизации в целях выявления его возможностей и понимания его функций [Петровская 2006, 8].

Отметим, что в рамках современной западной медиафилософии исследования образа привлекают особое внимание по двум причинам. Во-первых, системы образов становятся новым универсальным языком эпохи и в этом смысле не столько отображают события мира, сколько конструируют и конституируют их. Для фиксации этого процесса швейцарский исследователь Готфрид Бем в 1994 г. предложил понятие “иконического поворота” [Voehm 1994]. Во-вторых, стирание границы между иконологией и идеологией, сопровождающееся превращением визуальных образов в медиумы, опосредует и видоизменяет прежние ряды отношений: отношение сознания человека к его телу, человека к человеку, человека к обществу, общества к природе. Уильям Д. Т. Митчелл [Mitchell 1994] обозначил этот процесс словосочетанием “пикториальный поворот” (pictorial turn). В этой связи книга Е. Н. Петровской встраивается в полемику, уже длительное время ведущуюся в медиафилософии, но выстраивается на “немедиафилософском” материале. Автора привлекает именно феноменологическая проблематика образа, но поскольку эта проблематика активно обсуждается в медиафилософской среде, книга оказалась значимой и для отечественных медиафилософов.

Схожим путем продвигались в своих исследованиях и такие философы, как Н.Н. Сосна и С.А. Лишаев. Так, Сосна в книге “Фотография и образ. Визуальное, непрозрачное, прозрачное” [Сосна 2011] ставит своей задачей уже концептуально-смысловую проработку таких зачастую некритически используемых понятий, как “оптическое”, “иконическое”, “медиаальное”, тем самым продолжая работу, начатую У.Д.Т. Митчеллом, но применяя ее результаты не к общей теории образа, а к феномену фотографии. С.А. Лишаева [Лишаев 2011] интересует то, как фотография опосредует опыт настоящего и опыт прошлого, как

она соединяет этот опыт в единое экзистенциально-личностное переживание? “Материалистическую” позицию Лишаева интересно сопоставить с “идеалистической” позицией другого отечественного философа К.П. Шевцова [Шевцов 2009], реконструирующего медиапространство через понимание времени как “растяжения души”. К.П. Шевцов вслед за Августином Аврелием полагает, что душа есть растяжение между “разрывами” прошлого (того, чего уже нет) и будущего (того, чего еще нет), а потому она с целью узнавания себя ищет “сжатия”, обретения конкретной действительности (в том, что есть) – в пространстве между прошлым и будущим как в некоем “промежуточном” (медиа)пространстве. Если Лишаев говорит о том, что технология определяет понимание времени и памяти, то Шевцов придерживается противоположной позиции, согласно которой понимание времени стало первой технологией по овладению жизнью души.

Исследователи следующей “волны” медиафилософской рефлексии в России уже не рассматривают отдельные виды медиа, а работают с феноменом медиа вообще, тем самым подтверждая его философский статус. Акцент здесь в основном ставится на аналитике медиа как особой реальности, “стихии” современного человека, постольку лейтмотивом отечественных философов этого направления является вопрошание о кризисе непосредственного чувственного переживания, о возможности неvirtуального, материально-телесного опыта в высокотехнологичном компьютеризированном мире. Сделав небольшое отступление, отметим, что связь медиа с чувственностью, восприятием, телесностью человека является одной из наиболее проработанных и одновременно одной из наиболее актуальных тем медиафилософии. Однако если для работ большинства западных авторов характерно рассуждение о “захвате” природного тела символическими культурными образами [Benthien 2002], то в отечественных работах мы сталкиваемся с иной точкой зрения, согласно которой телесные практики, осуществляемые человеком, актуализируются в качестве инструментальных и коммуникационных навыков лишь в той мере, в какой медиа транслируют и акцентируют их применение.

Параллельно с “телесно-ориентированным” подходом к проблематике медиа начинают активно прорабатываться первые отечественные теории, посвященные концептуальному рассмотрению элементов медиареальности и претендующие на установление смысловых связей между этими элементами. Интересна в этом ключе книга “Созвездие Горгоны. Эссе об эффектах медиа”, написанная самарскими философами (см.: [Иваненко, Корецкая, Савенкова 2012]), где анализируются письмо в цифровую эпоху, виртуальные сообщества, доминантные образы, формирующие интересубъективные смыслы, коллективное воображение и память поколений. И все же нельзя не отметить, что и в столь смелом проекте реконструкции медиареальности, исходя из критически проанализированных ее элементов, медиа берется скорее как реальность, воссоздаваемая через последовательное эмпирическое описание ее элементов, нежели как реальность, чьи элементы определены в своих свойствах единством функции.

Попытку определения множества гетерогенных проблем через единство концепта предпринял М.А. Куртов. Заявивший о себе как переводчик и популяризатор творческого наследия Ж. Симондона, он частично основывает на его работах и собственную концепцию. Жильбер Симондон выдвинул радикальное и спорное предположение, согласно которому вовсе не человек как мыслящее существо должен быть освобожден от техники, но техника как актуальная форма разума должна быть освобождена от рассудочного мышления человека, скованного нормами экономики и калькуляции [Simondon 1989]. Развивая концепцию этого мыслителя, Куртов настаивает, что философия как любовь к мудрости началась с пренебрежения к техническим объектам и впервые проявилась в споре с софистами как технически-ориентированными мыслителями. Свою задачу Куртов видит в том, чтобы вернуть философии ее “вытесненное-техническое” и тем самым заново провести границу между практическим и теоретическим, между техногенным и религиозным. Подход Куртова к проблеме прослеживается в его книге “К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса” [Куртов 2014], где программирование рассматривается и как техническая операция, и как культурная техника, и как воля к власти.

Задачу истолкования медиареальности исходя из единого и имманентного проблемному полю принципа представляет книга В.В. Савчука “Медиафилософия. Приступ реальности” [Савчук 2013]. Это, по сути, первое в России масштабное философское исследование, посвященное собственной проблематике медиафилософии. Автор полагает, что “сила концепта медиа – в адекватности описания той реальности, которая прежними концептами уже не схватывается: ни медиатеоретические редукции к носителю, ни экзистенциально-феноменологическая версия Dasein, ни логика языка, ни аттрактивная сила образа в отдельности не способны объяснить реальность, которая формируется новыми медиа. Тезис о том, что все есть медиа, с необходимостью ведет к признанию: медиа внутри нас” [Савчук 2013, 39]. Медиа понимаются здесь уже не как технические артефакты или теории и законы, а как особый способ смысловой связи, в отношении к которому философская методология, не принимающая понятия медиа, оказывалась слепа.

Предлагаемая в книге Савчука трактовка медиафилософии фактически констатирует, что современные электронные медиа, вытесняя на задний план такие традиционно определяющие поведение человека институты, как семья, государство, церковь, проясняют человеку его роль и место в мире, его судьбу и цели. А потому именно медиа предстают ныне как нечто присущее самому человеку, как способ отношения к вещам. И соответственно, медиа исследуются не только как формы определения реальности, но прежде всего как способы вопрошания о реальности, от которых зависит ответ – данность мира, его судьба.

Таким образом, за краткий отрезок времени медиафилософия в России прошла от освоения и пересказа западных авторов до постановки первых оригинальных проблем, наметила свой путь, предмет, круг вопросов. Для понимания ситуации, складывающейся в области медиаисследований в России и в мире, также необходимо отметить, что задаче академической философской разработки проблемы медиа берут на себя скорее не отдельные авторы, а исследовательские объединения и творческие коллективы. Среди мировых исследовательских образований назовем Междисциплинарный центр исторической антропологии Свободного университета (Берлин, Германия), Исследовательский центр по семиотике культуры и медиа Католического университета (Сан-Паулу, Бразилия), Институт искусств и медиа (Потсдам, Германия), Институт массовых коммуникаций и медиаисследований (Цюрих, Швейцария), Центр медиакоммуникаций и визуальных исследований (Харьков, Украина). Что касается отечественных исследовательских образований, то выше уже были упомянуты представители самарской школы медиаисследований, чье внимание сосредоточено на описании стремительно формирующейся медиареальности. Можно также назвать представителей таганрогской школы медиаобразования: А.В. Федорова, Е.В. Муюркину, И.В. Чельшеву, Д.Е. Григорову, для которых медиафилософия – “служебная дисциплина”, помогающая человеку осмысленно войти в сложный современный медиамир, найти в нем свое место. Кроме того, следует отметить также волгоградских исследователей Д.Ю. Сивкова и А.Г. Кузнецова и коллектив молодых авторов под их руководством, которые разрабатывают концепцию транспортной медиации. При Национальном исследовательском университете “Высшая школа экономики” (Москва) существует “Лаборатория медиаисследований”, при Российской экономической школе (Москва) создан “Центр изучения Интернета и общества”. Наконец в Институте философии СПбГУ активно работает Центр медиафилософии. И работа этих коллективов уже приобретает международное признание.

Говоря о международном признании отечественной традиции медиафилософии, можно упомянуть хотя бы следующий факт. В июне 2010 г. на международной конференции “Генезис и значимость медиафилософской рефлексии” (Университет города Базель), где собрались видные теоретики медиа, была основана интернациональная научная группа “Медиафилософия”. Создано это объединение было для того, чтобы координировать усилия существующих во всем мире исследовательских центров. И в состав коллективов, образующих интернациональную научную группу “Медиафилософия”, был включен и активно развивающийся с 2007 г. при Философском факультете (ныне – Институте философии СПбГУ) отечественный Центр медиафилософии – крупнейшая на сегодняшний

день институция, исследующая проблемы медиа в России. Среди трудов, изданных Центром медиафилософии, отметим первую в России “Антологию медиафилософии” [Савчук (ред.-сост.) 2013], в которой помимо работ отечественных авторов были представлены и переводы крупнейших западных исследователей феномена медиа, разработки в области организации медиаландшафта [Колесникова, Савчук 2015] и осмысления реальности компьютерных игр [Савчук, Ленкевич, Очеретяный (ред.) 2014].

Современные дискуссии об основных проблемах медиафилософии невозможны без тщательной разработки всех вышеуказанных проблем, без их взвешенного и тщательного анализа. Все это означает, что теоретическая разработка медийной проблематики в России уже прошла ряд существенных стадий: из критики культуры, пестрившей оценочными суждениями и апокалиптическими провидениями, она превратилась в способ постановки актуальных философских задач.

Ссылки – References in Russian

Боянич 2004 – *Боянич П.* Создает ли “скоропись” врага? О “мертвописи” у Федорова // CREDO NEW. Теоретический журнал. 2004. № 1. С. 110–118.

Булгаков 1999 – *Булгаков С.Н.* Философия имени // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Том второй. Философия имени. Икона и иконопочитание. М.; СПб.: Искусство: Инапресс, 1999.

Визинг 2013 – *Визинг Л.* Шесть ответов на вопрос: “Что такое медиафилософия?” // [Савчук (ред.-сост.) 2013. С. 219–226].

Гюнтер, Хэнсен (ред.) 2005 – *Гюнтер Х., Хэнсен С.* (ред.) Советская власть и медиа. СПб.: Академический проект, 2005.

Иваненко, Корецкая, Савенкова 2012 – *Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.* Созвездие Горгоны. Эссе об эффектах медиа. СПб.: Алетейя, 2012.

Киттлер 2009 – *Киттлер Ф.* Оптические медиа. М.: Логос, Гнозис, 2009.

Колесникова, Савчук 2015 – *Колесникова Д.А., Савчук В.В.* Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.

Кртилова 2012 – *Кртилова К.* Медиатеория/Медиафилософия // Медиафилософия VIII. Медиафилософия: междисциплинарное поле исследований / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2012. С. 45–54.

Куртов 2014 – *Куртов М.А.* К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса. СПб.: ТрансЛит, 2014.

Лишаев 2011 – *Лишаев С.А.* Помнить фотографией. СПб.: Алетейя, 2011.

Луман 2005 – *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

Маклюэн 2003 – *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2003.

Петровская 2006 – *Петровская Е.Н.* Теория образа. М.: РГГУ, 2006.

Савчук (ред.-сост.) 2013 – *Савчук В.В.* (ред.-сост.). Антология медиафилософии. СПб.: РХГА, 2013.

Савчук 2013 – *Савчук В.В.* Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013.

Савчук, Ленкевич, Очеретяный (ред.) 2014 – *Савчук В.В., Ленкевич А.С., Очеретяный К.А.* (ред.) Компьютерные игры: стратегии исследования. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2014.

Сосна 2011 – *Сосна Н.* Фотография и образ. Визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: НЛЮ, 2011.

Спирин, Попонов 2009 – *Спирин В.А., Попонов М.А.* Медиа-философия Маршалла Маклюэна. СПб.: СПбГУСЭ, 2009.

Федоров 1982 – *Федоров Н.Ф.* Из тома I “Философии общего дела” // Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982.

Фортунатов 2009 – *Фортунатов А.Н.* Медиареальность: в плену техногуманизма. Нижний Новгород: ННГУ, 2009.

Фуко 2012 – *Фуко М.* Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2012.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Дialeктика Просвещения: Философские фрагменты. СПб.; М.: Медиум: Ювента, 1997.

Черникова, Молчанова, Климова 2007 – *Черникова В.Е., Молчанова Е.Н., Климова Л.Е.* Масс-медиа в культуре информационного общества. Ставрополь: Мир данных, 2007.

Шевцов 2009 – *Шевцов К.П.* Продолжение в другом (Реконструкция медиа-пространства). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009.

Юдина 2005 – *Юдина Е.Н.* Медиапространство как культурная и социальная система. М.: Прометей, 2005.

References

Benthien 2002 – *Benthien C.* Skin: On the Cultural Border Between Self and World. New York: Columbia University Press, 2002.

Bulgakov S.N. Philosophy of name // *Bulgakov S.N. Works. Vol. 2: Philosophy of name. Icon and iconodule.* Moscow, Saint Petersburg: Iskustvo: Inapress, 1999 (In Russian).

Boehm 1994 – *Boehm G.* Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild / Hrsg. G. Boehm. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994.

Boyanitch P. If “cursive” writing creates an enemy? About “death-writing” in N. Fedorov // CREDO NEW. Theoreticheskii zhurnal. 2004. № 1. P. 110–118.

Chernikova V.E., Molchanova E.N., Klimova L.E. Mass-media in culture of informatics society. Stavropol: Mir dannyykh, 2007 (In Russian).

Fedorov N.F. From vol. I “The Philosophy of Common Task” // *Fedorov N.F. Philosophical works.* Moscow: Mysl’, 1982 (In Russian).

Fortunatov A.N. Mediareality captured by technohumanism. Nizhny Novgorod: NNSU Publishing, 2009 (In Russian).

Foucault M. L’Archeologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969 (Russian translation 2012).

Guenther H., Haensgen S. (eds.) Soviet Power and Media. Saint-Petersburg: Akademicheskii proyekt, 2005 (In Russian).

Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Frankfurt am Main: S. Fisher Verlag GmbH, 1969 (Russian translation 1997).

Ivanenko E.A., Koretskaya M.A., Savenkova E.V. Constellation of Gorgon. Essays about effects of media. St. Petersburg: Aletheia, 2012 (In Russian).

Kittler 1985 – *Kittler F.* Aufschreibesysteme 1800/1900. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985.

Kittler F. Optische Medien. Berlin: Merve, 2002 (Russian translation 2009).

Kolesnikova D.A., Savchuk V.V. Visual Ecology as a Discipline // *Voprosy Filosofii.* 2015. Vol. 10. P. 41–50 (In Russian).

Krtilova K. Mediatheory/Mediphiosophy // *Savchuk V.V.* (ed.). Mediaphilosophy VIII. Mediaphilosophy: interdisciplinary field of investigation. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2012. P. 45–54 (In Russian).

Kurtov M.A. Toward theology of code. Genesis of graphical user-interface. Saint Petersburg: TransLit, 2014 (In Russian).

Lasswell 1971 – *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in World War I. Cambridge Mass.: MIT Press, 1971.

Lishaev S.A. To remember by means of photography. Saint Petersburg: Aletheia, 2011 (In Russian).

Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH, 2004 (Russian Translation 2005).

Margreiter 1999 – *Margreiter R.* Realität und Medialität. Zur Philosophie des Medial Turn // *Medien Journal. Zeitschrift für Kommunikationskultur.* 1999. № 1 (23). S. 9–18.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964 (Russian Translation 2003).

Mitchell 1994 – *Mitchell W.J.T.* The Pictorial Turn // *Mitchell W.J.T. Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation.* Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994.

Petrovskaya E.N. Theory of image. Moscow: RGGU, 2006 (In Russian).

Savchuk V.V. (ed.). Anthology of Mediaphilosophy. Saint Petersburg: RHGA, 2013 (In Russian).

Savchuk V.V. Mediaphilosophy. Attack of Reality. Saint Petersburg: RHGA, 2013 (In Russian).

Savchuk V.V., Lenkevich A.S., Ocheretyany K.A. (eds.). Computer games: strategy of investigation. Saint Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2014 (In Russian).

Shevcov K.P. Continuation in other (Reconstruction of media-space). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2009 (In Russian).

Simondon 1989 – *Simondon G.* Du mode d’existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1989.

Sosna N. Photography and image. Visual, opaque, ghost. M.: NLO, 2011 (In Russian).

Spirin V.A., Poponov M.A. Mediaphilosophy of Marshall McLuhan. Saint Petersburg: SPBGUSE, 2009 (In Russian).

Wiesing L. Was ist Medienphilosophie? // *Information Philosophie.* 2008. № 3. S. 30–39.

Yudina E.N. Mediaspace as cultural and social system. Moscow: Prometheus, 2005 (In Russian).